

Глава четырнадцатая УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИКИ

*О! Мы живем очень счастливо, хотя
у нас ничего нет. Мы будем питаться
радостью, как сияющие боги.*

Дхаммапада, 200

Царство Магадха около 520-490 гг.

Даже если учитывать, что сказания о Будде, как это вообще свойственно легендам, полны преувеличений, невозможно не заметить, насколько его жизнь отличалась от судьбы других великих мудрецов и учителей. Почти все они были гонимыми и даже мучениками. Служение их, как правило, омрачалось тревогами и скорбями, ибо явление в мир новых духовных сил и идей всегда встречает непонимание и враждебность. Заратустра принужден был бежать из родной земли, Иеремию бросили в темницу, непризнанным и нежеланным чувствовал себя Конфуций, Пифагор и Анаксагор едва избежали расправы, Сократ был казнен. Исключение составляет лишь Будда, который достиг восьмидесяти лет, пользуясь почетом и уважением.

Продолжительная жизнь индийского проповедника текла, как мирный ручей; редко вторгался в нее шум борьбы. Из года в год его дни тянулись, похожие один на другой; он проводил их в безмятежном однообразии, размеренно, неторопливо. Он всегда был окружен заботой и вниманием.

Вставал Гаутама рано, свой ежедневный утренний туалет он обыкновенно совершал с помощью своего любимца Ананды. Юноша горячо привязался к Татхагате и был счастлив служить ему. Он подавал ему воду, помогал одеваться, обмахивал опахалом. Ананда стал полноправным членом ордена лишь много лет спустя, очевидно не желая раньше времени превращаться в бесстрастное существо, ибо главным содержанием его жизни была любовь к

учителю и служение ему.

До глубокой старости Будда ежедневно выходил в город или в селение за сбором подаяния. Иногда вместе с ним шествовали большие толпы монахов. Вероятно, эти молчаливые полчища людей в желтых балахонах, двигавшихся по пыльным дорогам, должны были производить странное впечатление. Будда, догадываясь об этом, старался всячески смягчить его. Он строго запрещал ученикам пугать народ какими-либо эксцентричностями. А в подобных попытках недостатка не было. Так, например, случалось, что бхикшу вместо чаши для милостыни употребляли череп или, подражая джайнам, появлялись на улицах совершенно обнаженными. Все это делалось с целью показать свою полную отрешенность, но в конце концов вызывало лишь всеобщее смущение.

У Гаутамы, очевидно, не было определенного плана путешествий. Он действовал, как правило, по первой пришедшей ему в голову мысли, монахи же целиком полагались на него. Достаточно было ему сказать: "В путь, Ананда! Идем туда-то", как все становище бхикшу немедленно и беспрекословно снималось с места...

Будду, как правило, всюду встречали приветливо. Иногда навстречу ему выходили всем городом или деревней, нарядившись в лучшие одежды, осыпая дорогого гостя дарами и цветами. Бывали случаи, когда глава сельской общины угрожал штрафом тем, кто не выйдет приветствовать Совершенного. Люди оспаривали друг у друга право пригласить учителя и накормить монахов. Местные богачи и знать предоставляли ордену свои сады и дома. И если Будда соглашался принять помощь или дар, люди считали себя благодетельствованными. Однажды Гаутама с учениками принял приглашение известной куртизанки Амбапали. Узнав об этом, целая делегация городской аристократической молодежи отправилась к ней, упрашивая уступить им честь принять Татхагату. На их просьбу куртизанка ответила, что не уступила бы им, даже если бы они отдали ей весь город и его земли. В тот день принадлежавшая ей мангровая роща была в центре всеобщего внимания, ибо там отдыхал, обедал и поучал великий Будда. На прощанье Амбапали просила учителя принять рощу в дар ордену.

После обеда Будда обычно отдыхал в тени деревьев, и только к вечеру, когда спадала тропическая жара, вокруг него собирались слушатели и он вел с ними беседы.

Его чарующий голос, увлекательная речь, красочные образы, стремление быть понятным каждому - делали чудеса. С философами говорил он возвышенно и проникновенно, монахам и аскетам давал драгоценные советы и наставления, простому народу и женщинам рассказывал волшебные сказки, содержащие мораль и разъяснение основных пунктов его учения. Главным образом это были джатака, занимательные истории, которые якобы происходили с ним, когда он жил в прежних воплощениях. То он был тигром, то зайцем, и всегда с ним случалось нечто поучительное для слушателя.

Иногда он прибегал к эффектным, запоминающимся символам. Так, однажды к нему пришла убитая горем женщина с мертвым ребенком на руках. Почти обезумев от потери, она уверяла, что дитя ее лишь заболело, и просила Будду дать ему лекарство. Учитель согласился, но сказал, что для лекарства нужно зерно, взятое в доме, где никто никогда не умирал. Несчастливая мать немедленно побежала в селение и, переходя из дома в дом, стала просить невозможного. Наконец, отчаявшись, она вернулась к Гаутаме. Урок не прошел даром. "Ты видишь, - сказал учитель, - весь мир полон плача. Утешься, ибо все, что рождается, обречено на страдание и смерть". И он бросил в ее сердце семена своего учения/1/.

х х х

Слава Будды-проповедника гремела по всей земле Магадхи. Дошла она и до Капилавасту - родины Гаутамы. Старый Шуддходана не раз посылал разыскивать сына; его посланники пытались вернуть Сиддхарту домой, однако все было напрасно. Когда же минуло пять лет общественного служения Гаутамы, а сам он стал повсеместно чтимым пророком и главой большого ордена, он наконец решился на свидание с отцом/2/. Весть о его приближении привела в смятение шакиев. Престарелый раджа был рад наконец увидеть

единственного сына и готовил пышную встречу. Он приказал убрать дворец цветами и созвал многочисленных гостей. Однако окружавшие его шакии не разделяли отцовской радости. Им казалось унижительным встречать с такими почестями бродягу, покинувшего отца, изменившего своему долгу. Их ропот привел раджу в некоторое замешательство.

Между тем Гаутама со свитой желтых ряс уже приблизился к родному городу и расположился в роще. Узнав об этом, Шуддходана не знал, как ему поступить. Отцовское чувство влекло его немедленно поспешить навстречу блудному сыну, но, с другой стороны, гордость раджи и неприязнь к монахам, в которых он видел источник своего несчастья, останавливали его. В конце концов отец победил в нем царя, и он пошел в рошу искать Сиддхарту. Когда же он и свита увидели царевича в нищенском рубище, с обритой головой, от печали и негодования они не могли произнести ни слова.

Видя, что его облик смутил всех, Будда, как гласит предание, проявил свое сверхъестественное могущество. На глазах у отца и изумленной толпы он поднялся на воздух; лицо его стало поразительным образом меняться; из груди его вырвалось пламя, а потом потекла вода. Говорят даже, что он раздирал свое тело на части и мгновенно вновь соединял его. Присутствующие онемели от изумления, но тем не менее эти чудеса подействовали на них недостаточно. Ледяная стена между отцом и сыном оставалась. Гаутама был сдержан и довольно сухо поговорил с отцом. Вскоре растерянный раджа удалился. Наступила ночь, и монахам пришлось ночевать под открытым небом.

Так единственный раз оккультные силы Гаутамы не возымели должного действия. В прочих же случаях они оказывали ему большую помощь в проповеди. Вообще нужно отметить, что чудеса, совершаемые Буддой, какой бы процент их мы ни относили к легенде, как правило, не были чудесами милосердия подобно евангельским. Это были чудеса-аргументы, целью которых было воздействие на окружающих.

Наступило утро, и Гаутама как ни в чем не бывало отправился в город и, по обыкновению, стал в молчании, опустив глаза, собирать милостыню. Когда слух об этом достиг Шуддходаны, в доме начался переполох. Гордость шакийского раджи была уязвлена, он поспешил найти сына и осыпал его упреками. "Неужели у нас не найдется пищи для твоих монахов? - кричал он. Не срами нашего славного царского рода! В нашем роду не было никогда нищих!" Но Гаутама невозмутимо ответил, что он более ценит не кровное, а духовное родство и что его великие предшественники - будды - странствовали, живя подаянием. Однако, видя, что отец смягчился, он дал согласие вступить под кров родного дома.

Здесь его ждало новое испытание. Едва он вошел, как навстречу выбежала его жена Яшодхара, которую он покинул много лет назад. Увидев мужа в одежде нищего скитальца, она бросилась к его ногам, заливаясь слезами. Во время этой сцены отец оплакивал горькую судьбу невестки и рассказывал, что с самого дня ухода Сиддхарты она была ему верна и вела почти подвижнический образ жизни. Но мудреца, свободного ото всех человеческих привязанностей, было невозможно поколебать, и даже если в душе его и шевельнулось что-то прежнее, он сумел скрыть это и долго беседовал с родными о бесполезности и ничтожности всего, о благе отрешенности, о единственном пути спасения. Он утешал жену, рассказывая об их прошлых воплощениях, объясняя этим своим излюбленным способом смысл своей и ее судьбы.

Но Яшодхара еще не теряла надежды. Догадываясь, что узы, связывавшие ее с мужем, порвались, она прибегла к помощи другого сильного средства. И она не ошиблась. Когда к Гаутаме подошел мальчик со словами: "Отец, дай мне наследство!", в иссушенном аскете с непобедимой силой вспыхнули угасшие чувства. Пред ним стоял его родной сын Рахула, тот, чье рождение он назвал некогда "новыми цепями". Совершенному, очевидно, стоило Больших усилий овладеть собой; он знал, что скоро должен покинуть Капилавасту и что, едва увидев сына, надолго, а может быть, навсегда разлучится с ним. А эти "цепи" внезапно оказались прочнее, чем думал мудрец. Впрочем, у него оставалась последняя возможность, и он прибегнул к ней. Он стал рисовать Рахуле прелести вольной страннической жизни,

убеждал его отправиться с ним, и мальчик, который так долго был лишен отца и теперь обрел его, с радостью согласился стать юным бхикшу. Так, ко всеобщему изумлению, в Сангху впервые вступило дитя/3/.

Однако это вступление, как мы видим, произошло скорее всего не потому, что, по мнению Будды, человеку следует стремиться к бесстрастию уже в детском возрасте, а потому, что сам учитель не смог преодолеть горячего желания видеть своего сына при себе.

В городе этот факт вызвал недовольство. Сын раджи не только ушел сам, но и похитил наследника. Чтобы успокоить отца и горожан. Будда обещал, что отныне в орден будут принимать детей лишь с согласия родителей.

х х х

Посещение Капилавасту принесло Гаутаме немало последователей. К тому времени вокруг него создалась избранная свита, состоявшая из шакиев. Некоторые из них были его близкими родственниками. Двое из них сыграли заметную роль в жизни Будды. Это были его двоюродные братья Ананда и Девадатта. О первом мы уже упоминали, он в течение многих лет с влюбленной преданностью служил учителю, а второй - человек незаурядных дарований - внес в орден струю недоверия и зависти. Согласно преданию, еще в юности они с Сиддхарттой во всем были соперниками. Девадату постоянно терзала мысль о превосходстве брата. Рассказывали, что некогда он был претендентом на руку Яшодхары и что Сиддхарта победил его на юношеских состязаниях. Это старая как мир, вечно повторяющаяся история Каина и Авеля, история "двойников", связанных роковыми цепями ненависти и восхищения, зависти и любви.

Почему Девадатта вступил в Сангху? Вряд ли он поддался воздействию проповеди брата. Скорее всего на этот шаг его толкнула завистливая ревность к популярности Гаутамы. Как покажет дальнейший ход событий, мечтой его стало затмить Сиддхарту и возглавить начатое им движение.

Посещение родины внесло одно важное изменение в строй ордена. Среди многочисленных людей, увлеченных проповедью великого соотечественника, было немало женщин. Некоторые из них захотели вести подвижнический образ жизни в лоне ордена. Престарелая тетка Гаутамы, его воспитательница, первая заговорила об этом. Совершенный сначала категорически отверг эту идею. Он заявил, что вступление женщин в Сангху принесет ей гибель.

Надо отметить, что Будда целиком разделял отношение своих современников к женщинам. Некоторые историки утверждали даже, что из всех религий женщина более всего унижена в буддизме. Нельзя сказать, что Будда считал женщину качественно низшим существом, но он видел в ней страшную опасность своему учению. Женщина, которая, в отличие от мужчины, сохранила тесную связь с природой, у которой инстинкты и эмоции, как правило, играют большую роль, чем рассудок, не могла быть благодарным материалом для архатства. Кроме того, она служила как бы вечным соблазном, напоминанием о жизни, о природе, отвлекающим аскета от его сверхчеловеческого пути. Поэтому Будда запрещал монахам глядеть на женщин и разговаривать с ними. Даже если бхикшу захочет просветить женщину истиной, но будет беседовать с ней наедине - он тяжко согрешит/4/.

Будда не жалел никаких красок для того, чтобы разоблачить обаяние женской красоты. Почти с циничным злорадством говорил он о теле, "полном воды и грязных выделений". Он живописал немощи и уродство отталкивающих старух, чтобы доказать обманчивую мимолетность телесного расцвета. В погоне за обнаженной правдой он готов был перейти всякие границы, мысленно копясь в разлагающемся трупe и восклицая: "Куда исчезла сияющая красота?"

Все ходячие суждения и пословицы, унижающие женщин, будут использованы в буддизме. Но главное, что ненавидел Будда в женщинах, как и его далекий потомок Шопенгауэр, - это то, что они могут служить препятствием в деле освобождения. "Я не знаю другого образа, брата, который бы так опутывал сердце мужчины, как образ женщины". "Не верь дарящей наслаждение, говорится в одной притче, - не верь клянущейся в любви! Как

истина их ложь звучит, обман в движениях их, во взорах, в улыбке, в ласке и речах. Они сокрытые убийцы...всепожирающий огонь, всеувлекающий поток, неуловимы, как ветер, неисчерпаемы, как море, продажны, хитры, лживы"/5/.

Даже после того как Будда уступил настояниям и разрешил женскую группу в ордене, монахини по уставу Сангхи были поставлены в самое жалкое и зависимое от мужчин положение.

В своем отношении к женщинам Гаутама не был одинок; его взгляды разделяли и Сократ, и Платон. В Греции той эпохи женщин приучали "меньше говорить, слышать и видеть". (Какой разительный контраст с Тем, Кто сказал: "Мария избрала благу часть, и она не отнимется от нее"!)

Женщины не воздали Сангхе той же монетой. Напротив, они стремились к монашеству со всей энергией, невзирая на протесты мужчин. Они помогали и служили ордену, чем могли. Именно женщины прежде всего протягивали руку с подаянием для побиравшихся бхикшу; их заботами и трудами устраивались убежища для монахов. И Будда благосклонно принимал их служение; в "Марфе" его монахи весьма и весьма нуждались.

х х х

Спасение и обретение Нирваны Будда обещал только аскетам, покинувшим свой дом и освободившимся от всех привязанностей. Кроме подвига личного совершенствования, монахи обязаны были заниматься усиленной пропагандой идеи учителя. И, разумеется, встречая интерес и сочувствие, они не могли всех ввести в орден, превратив в бхикшу. Поэтому возникла проблема буддистов-мирян.

Будда решил эту проблему довольно просто. Истинными его последователями оставались монахи, а упасаки - миряне, принявшие его учение, - оказывались, так сказать, на положении "оглашенных", готовящихся к посвящению. В отличие от монахов, мирянам давался простой этический кодекс Панча Шила (Пять Заповедей), сводившийся к следующему: 1. Воздерживайся от убийства.

2. Воздерживайся от воровства.

3. Воздерживайся от блуда.

4. Воздерживайся от лжи.

5. Воздерживайся от возбуждающих напитков/6/. Помимо этих заповедей, похожих на те, которые провозгласил Моисей на восемь веков раньше, упасаки должны были блюсти верность Будде, его учению и ордену.

Говорят, что под конец жизни Гаутама утверждал даже, что одного цветка, посаженного мирянином, который "прибегает к Будде", довольно для того, чтобы получить несомненное участие в "освобождении от бедствий"/7/.

Свою уступчивость по отношению к мирянам Будда проявлял во имя интересов ордена довольно часто. Как мы уже говорили, он резко осуждал всякие эксцентричности проповедников. "Не приведет это к обращению необращенных", - говорил он тем монахам, которые желали ходить обнаженными. Сначала Гаутама запрещал ученикам приветствовать людей обычным пожеланием долголетия, считая его бессмысленным, но, видя, что приветствие это нравится мирянам, велел вновь пользоваться им/8/.

Идя навстречу пожеланиям раджей и правителей, он приказал не принимать в орден лиц, находящихся на царской службе. лиц, имеющих долги, а также рабов. Все эти меры должны были. по мысли Будды, обезопасить орден в политическом отношении: и именно дальновидности учителя и его твердому и продуманному руководству Сангха обязана своим превращением в боевую духовную силу, которой прежде не знала Индия. Связанные уставом и клятвами, руководимые учителем во всех своих поступках. проповедники Дхаммы с подлинно апостольской неутомимостью ходили по Магадхе, завоевывая армию для своего учителя.

Невольно возникает вопрос: как мог совмещать Гаутама отрешенную созерцательность и презрение к миру с энергичной общественной деятельностью, с дипломатией и управлением? Хоть это и кажется странным, однако история дает нам немало примеров

подобного рода.

Существует два типа мистически одаренных людей. Если к одному относятся те, которые в своем созерцании и подвиге никогда не выходят за пределы пещеры и кельи, то есть и такие, которые в озарениях черпают силу для деятельного служения в мире. Будда, несомненно, принадлежал у этому второму типу.

Учитель не любил, когда его монахи начинали интересоваться светскими предметами, толковали о политике, судили о царях; однако сам он не раз оказывал влияние на государственную жизнь, проявляя при этом удивительную находчивость, осторожность и проницательность. Рассказывали, что неоднократно ему удавалось предотвратить кровопролитные стычки. Царь Бимбисара - большой почитатель Будды - прислушивался к его советам, опекал орден. Когда же впоследствии Бимбисару сверг собственный сын, Будда и с новым властителем Магадхи установил дружеские отношения.

Он прекрасно умел ладить с раджами, хотя в узком кругу учеников указывал на пагубность единовластия. Традиции вольнолюбивых шакиев оставались всегда близкими его сердцу/9/.

Если Гаутама сумел примирить господствующие слои населения с орденом, идя навстречу некоторым их пожеланиям, то на широкие народные массы главное воздействие оказывало иное. Не слова, а дела служили лучшей пропагандой для буддизма. Многие убеждались, что монахи аскета Гаутамы на деле осуществили тот жизненный идеал, о котором издревле говорили мудрецы Индии.

Главные черты, которые поражали в нищих бхикшу, были их кротость и невозмутимость. Достичь самообладания во внешнем поведении считалось важнейшей целью монаха. "Многие люди порочны, - говорится в буддийском писании, - я буду терпеть оскорбления, как слон в битве - стрелу, выпущенную из лука". Милосердие ко всем - девиз монаха. Он знает, как много в мире зла, и не хочет умножать его. "Все дрожат перед наказанием, жизнь приятна для всех - поставь себя на место другого. Нельзя ни убивать, ни понуждать к убийству". Этот принцип ахимсы, ненасилия, доставшийся буддизму в наследство от его предшественников, всегда встречал живой отклик в Индии. В противовес древнему закону кровной мести звучал кроткий призыв монахов не отвечать злом на зло. Для того, чтобы достичь этого, нужна борьба со своими страстями. Поэтому Будда говорил: "Кто сдерживает пробудившийся гнев, как сошедшую с пути колесницу, того я называю колесничим; остальные просто держат вожжи"/10/.

Истинный монах проходит среди треволнений жизни "тихим и свободным"; он не ищет ни почета, ни уважения. Он укротил все желания сердца, он никого не осуждает. В нем нет ненависти к грешным сынам земли, нет и любви. Он ограждает себя от мира спокойной доброжелательностью. "На языке буддизма, замечает Герман Ольденберг, - нет слов для выражения поэзии христианской любви, которой посвящена была хвалебная песнь Павла, любви, которая выше, чем вера и надежда, и без которой даже люди, говорящие на человеческих и ангельских языках, - медь звенящая и кимвал бряцающий"/11/.

И если мы встречаемся с проявлениями этого чувства в истории Сангхи, то с точки зрения доктрины Будды их нужно было бы рассматривать лишь как слабость, не говоря уже о том, что любить, собственно, было некого, если весь мир рассматривался как игра призраков.

Когда буддист, проповедуя неубиение, говорит, что "жизнь приятна для всех", и не только не осуждает этого чувства, а идет ему навстречу, не оказывается ли он в глубоком противоречии с принципами своей метафизики?

Ибо если внутреннее творчество в положительном аскетизме имеет целью овладение силами души, то негативистский аскетизм Будды стремился вообще к их полному подавлению.

х х х

На первый взгляд может показаться, что буддизм, отвернувшийся от жизни, осудивший ее, не мог и не хотел отвечать на насущные вопросы своей эпохи. Но эта отрешенность от

жгучих проблем осталась для Будды лишь в теории. Он был не в состоянии пройти мимо трех важнейших моментов: кастового устройства, традиционного ритуализма и философских идей времени.

В Упанишадах уже велась осторожная, но настойчивая критика обрядовых систем; секты и школы пытались по-новому взглянуть на кастовый порядок; на протяжении веков продолжалась борьба философских направлений.

Каково же было отношение Будды к этим проблемам?

Прежде всего нужно отбросить миф о нем как о борце против учения о кастах. Попытки сделать из него обличителя социального неравенства совершенно несостоятельны.

Будда не находил нужным критиковать существующее общество или строить утопии относительно будущего социального идеала. Все это, с его точки зрения, было ничтожно и не заслуживало внимания. Признавая деление на варны, он, в противоположность брахманам, не основывал кастовую иерархию на старых мифах, а утверждал, что кастовый строй коренится в естественном разделении труда. Согласно Будде, варны определились различием в роде занятий/12/.

Но что действительно вызывало его возмущение, так это кичливость брахманов и их притязания на какую-то особенную священность. Он язвительно высмеивал гордость, тупость и алчность жрецов. Их уверенность в том, что святость передается просто в силу принадлежности к касте, находила в нем сурового судью.

"Брахманы говорят так: одни брахманы - белая каста, все другие - черные касты; одни брахманы могут быть чистыми, не могут быть чистыми не-брахманы, брахманы - сыны Браммы, из уст его рожденные".

"Не рождением становится человек презренным, не рождением становится он и брахманом; нет, за свои дела заслуживает презрения и за свои дела прославляется брахманом".

"Я называю брахманом того, кто разорвал путы и кто действительно не дрожит от страха, кто преодолел привязанности и отрешился от мира"/13/.

Если человек становится монахом, то он в глазах Будды оказывается вообще по ту сторону кастового деления. Когда учителя спросили, к какой варне сам он принадлежит, он ответил, что это праздный вопрос: он ни брахман, ни царевич, ни кшатрий, он отрешился от мира и выше всех его законов. Поэтому Будда признавал равноправие каст. Но это не равноправие мирян, а равноправие монахов. "Мудрец, рожденный простыми людьми, - говорил он, - становится великим, очистив себя терпением от всего нечистого" /14/.

Резкое выступление Будды против кастовой традиции было бы, вероятно, бесполезным. Оно, пожалуй, могло бы вызвать протест со стороны не только высших каст, но и низших. Впитавшееся в кровь поколений суеверие было почти непобедимо. Люди были убеждены, что нарушение кастового принципа потрясает основы общества и мироздания.

Не менее живучими были суеверия, относившиеся к церемониям, жертвам и священным животным. Будда, который в своем учении отрицал необходимость жертв, был в широкой проповеди крайне осторожен. Он горячо приветствовал культ коровы, нередко одобрял старые обычаи, не осуждал жертвователей. Однако он настаивал на том, что почитание святых архатов - куда более высокое служение, чем одаривание беспомощных богов.

"Что бы ни пожертвовал в этом мире в течение года добродетельный как милостыню или приношение, все это не стоит ломаного гроша. Уважение к ведущим праведную жизнь - лучше"/15/.

Привести к истинному освобождению может только следование по путям Дхаммы. Счастлив и спасен тот, кто победил себя. "Ни Мара с Брахмой, ни Гандхарва (Одно из высших иерархических существ индийской мифологии), ни даже сам Бог не смогут превратить у такого человека победу в поражение"/16/.

Особенно непримиримо Будда восставал против кровавых жертвоприношений. Они возмущали его еще тогда, когда он был Узником и жил в Урувельском лесу. Одна мысль о

том, что "кроткие коровы" будут убиты ради бессмысленного обряда, приводила его в ужас. Он категорически требовал, чтобы монахи вели пропаганду против этого обычая и вообще культивировали ахимсу всеми возможными средствами. Правда, он не доходил до таких крайностей, как джайны, но предписывал монахам иметь всегда при себе сито, чтобы не проглотить с водой живое существо. Эти фильтры казались некоторым особенно строгим монахам настолько необходимыми, что они готовы были умереть от жажды скорее, чем напиться без них.

Все это, однако, не означало, что Будда придерживался строгого вегетарианства. Пусть редко, но все же за его трапезой иногда бывало мясо.

Итак, мы видим, что, хотя Будда ни во что ставил кастовую принадлежность человека, принявшего его путь, и хотя он признавал бесполезными ритуалы и приношения, он высказывал свои суждения с чрезвычайной осмотрительностью, с оглядкой на традиции и общепринятые мнения, боясь ввязаться в открытую войну с народными верованиями.

х х х

Будда отвергал авторитет священных книг Индии. Он делал это не потому, что был совершенно чужд философской и мистической основе Упанишад. Напротив, как мы видели, между ними и буддизмом есть много общего. Но Гаутаму отталкивало в Ведах обилие заклятий и магических формул. Суеверно-обрядовое отношение народа к букве Писания претило ему. Поэтому он заповедал ученикам чуждаться Вед. Тем не менее, выступая против них, он чаще всего ограничивался намеками и отдельными замечаниями. Будда не был активным врагом Писания, но для него оно было такой же ветошью, как обычаи и обряды/17/. Осуждал Будда и те продолжительные споры, которые любили вести праздные "философы", сидя в часы прохлады под деревом. Он сравнивал эти прения с турнирами, на которых лишь разгораются страсти. Где уж тут отыскать истину! Ничего, кроме честолюбия, обиды и раздражения, они не порождают. Лучше быть в стороне от спорщиков, лучше избегать "обаяния всех сект". Суемудрые болтуны лишь обманывают себя и других/18/.

Правда, иногда Будда вступал в словопрения с различными учителями. В этих случаях он оказывался искусным диалектиком и превращал свои победы в триумф ордена. Но на своем примере он лишней раз доказал пагубность споров. В пылу полемики и ему, случалось доходить до крайностей, говорить абсурды, противоречить самому себе.

Он, который видел смысл человеческого существования в достижении покоя Нирваны, порой становился на плоскую, вульгарную точку зрения лишь для того, чтобы нанести удар брахманизму. Он заявил, например, однажды, что самые речи о состоянии единения с Брахманом, "которого никто никогда не видел лицом к лицу, есть речи глупые"/19/. Как будто его Нирвана была чем-то осязаемым и зримым!..

Таким образом, на три важнейших вопроса эпохи Будда ответил отрицательно. Он признал, что для истинно спасающегося касты не существуют; он осудил обряды и слепую веру в авторитет священных книг; он поставил себя вне философских школ и сект, тем самым показывая их бесплодность. Все в мире - тщета, кроме одного: избавления от страданий путем преодоления желаний и страстей.

Но существовало одно обстоятельство, которое связывало Будду и его общину с миром прочными узами. Как бы ни подавляли бхикшу свою природу, как бы далеко ни зашла их отрешенность от земного, они тем не менее нуждались в пище, одежде, в отдыхе. Будда был весьма далек от библейского: "Кто не хочет трудиться - тот не ешь". Монахам он категорически запрещал большинство видов труда, особенно земледелие. Торговля и медицина, мелкие ремесла и отправление старинного культа также были табу для бхикшу. Внутренняя работа созерцания и упражнения, а также проповедь закона - вот то, к чему призван монах/20/.

Презирая мир и его заботы, унижая труд и гордясь своей независимостью, Будда прекрасно понимал, что его ордену пришлось бы туго, если бы вокруг не было "безумцев", погруженных в "тленное". Только благодаря этим "безумцам" монахи не умирали с голоду, а

жили в покое и благополучии. Вероятно чувствуя некоторую неловкость от этого положения, Гаутама вынужден был разъяснять народу, что Сангха занимает в обществе законное и почетное место. Так, однажды, проходя мимо поля, на котором пахал некий брахман, мудрец остановился и, опустив глаза, молча протянул ему чашу для подаяния. Это привело пахаря в негодование; он стал укорять бхикшу в том, что тот бездельник и живет за счет честных людей. Почему он, здоровый мужчина, не хочет стать за плуг, а предпочитает попрошайничать? На эти обвинения Будда со свойственным ему спокойствием ответил, что он не бездельник, что он также трудится, но труд его иной и более высокий. Вера - это его семя, покаяние дождь, размышления - плуг. "Вспахав эту пашню - ты избавишься от страданий". На это нечего было возразить, ибо люди в Индии, да и не только в Индии, хорошо понимали, что работа учителя, странствующего проповедника действительно тяжелый труд и что он стоит своей цели - просвещения народа/21/.

Однако вопрос об отношении мира и монашествующих оставался в буддизме открытым: Гаутама открыто и повсеместно прививал свое учение; он стремился, чтобы община постоянно росла. Но что бы произошло, если представить себе, что вся страна от мала до велика облеклась в желтые рясы? Запустили бы поля, остановилась бы жизнь в городах, джунгли вторглись бы в человеческие жилища, люди одичали бы и оказались на грани умирания. Исчезла бы и Сангха, ибо кто стал бы печься о ее нуждах?

"Мудрые удаляются, - говорил Будда, - дома для них нет наслаждения. Как лебеди, оставившие свой пруд, покидают они свои жилища. Они не делают запасов, у них правильный взгляд на пищу, их удел - освобождение"/22/. Тем не менее пребывать в этом блаженном состоянии свободы, отбросить заботы о пище бхикшу мог лишь потому, что кто-то иной нес за него труд, потому что сердобольные женщины клали в его нищенскую чашу рис, добытый в поте лица.

Пожертвования не ограничивались ежедневным пропитанием. Раджи и знать не скупилась на милости. Особенно ценным даром для Сангхи были рощи, которые передавались ордену в вечное владение. Там монахи проводили дождливые времена года. Больше всего Будда любил жить в двух из них: Велуване и Джетаване. В этих тенистых прохладных парках монахи сделали себе хижины и дома для общих собраний ордена. Рядом с ними вырастали кладовые, столовые, бани и другие хозяйственные помещения. Со временем простые первоначальные сооружения стали заменяться более основательными. Так возникал буддийский монастырь, требовавший внимания, забот и трудов. Была учреждена особая должность эконома, который наблюдал за работами и хлопотал о поставках.

В истории есть еще один пример того, как орден нищенствующих уже при жизни основателя стал превращаться в обладателя собственности. Но в отличие от святого Франциска Ассизского Будда, очевидно, не был особенно огорчен происходившими переменами. Он внимательно следил за эволюцией своего детища, указывал, советовал, переделывал уставы в соответствии с обстоятельствами. Для монахов из богатых семей он ввел более мягкие правила личного аскетизма, чем для прочих; он разрешил им не спать на голой земле, как прежде, а устраивать достаточно удобные постели. Впрочем, когда иные, видя снисходительность Гаутамы, несли в кельи богато вышитые подушки, пестрые покрывала и леопардовые шкуры, учитель резко пресекал эти поползновения на роскошь.

Вероятно, любовь к опрятности была привита Гаутаме с детства, поэтому он восстал против обыкновения аскетов своего времени ходить вечно грязными. Путешественников и в наши дни пугает вид этих диких фигур, с ног до головы покрытых пеплом, коровьим пометом и грязью. В буддийском же ордене строго следили за личной гигиеной монахов, и помещения, в которых они жили, постоянно содержались в образцовом порядке и чистоте.

Эти благоустроенные колонии, где жили люди, предаваясь размышлениям, созерцаниям и поучительным беседам, привлекали всех усталых и угнетенных. Буддийские монастыри многим казались обетованной землей, в которой можно было наконец обрести мир и свободу.

Один раджа как-то признался Будде: "Видел я на своем веку немало аскетов, великих

подвижников, живущих совершенной жизнью до последнего вздоха, но такой совершенной, законченной подвижнической жизни, господин, как здесь, нигде не встречал. Всюду смута, раздоры, волнения: сражаются цари с царями, князья с князьями, горожане с горожанами, спорят жрецы с жрецами, ссорятся мать с сыном, отец с матерью, отец с сыном, брат и сестра между собою, друг со своим другом. Здесь же, господин, я вижу монахов, живущих в согласии, в единоумии, без распрей, кротко взирающих друг на друга ласковым взором. Нигде, нигде, господин мой, я не видел столь единодушного собрания, как здешнее"/23/.

Среди древнейших буддийских текстов сохранилась песнь, в которой звучит неподдельный восторг бхикшу, обитающих в своей обители: О! Мы живем очень счастливо, невраждующие среди враждующих; среди враждебных людей мы живем невраждующие.

О! Мы живем очень счастливо, небольшие среди больших; среди больших людей живем мы небольшие.

О! Мы живем очень счастливо, хотя у нас ничего нет. Мы будем питаться радостью, как сияющие боги/24/. Не приходится удивляться после этого, что Сангха обладала колоссальной притягательной силой. Наплыв новых членов увеличивался с каждым днем. В соответствии с этим и прием становился более строгим. Мы уже говорили, что вступать в орден запрещалось рабам, должникам и служителям двора. Теперь доступ в него закрыли и для больных, и для увечных, слабых стариков и слепых. Будда стремился создать из своего ордена ударную миссионерскую силу, члены его должны были быть энергичными вестниками Дхаммы, закаленными в огне аскезы, а больные легли бы на нее бесполезным балластом/25/.

Это одна из черт, позволяющих нам уяснить глубокое различие между буддизмом и христианством.

Часто орден Гаутамы сравнивают с Церковью, а иногда даже само слово "Сангха" переводят как "церковь". На самом же деле аналогия здесь очень поверхностная. Церковь с самого начала своего существования мыслилась и ощущалась своими членами как таинственное духовное единство, как мистический организм, как образ нового неразделенного человечества. Церковь - живое Тело, в котором бьется единое Сердце и течет единая Кровь. И даже тогда, когда на теле появляются струпья или обезображиваются и отмирают отдельные органы, оно не перестает быть Телом.

Иное дело - Сангха. Она, по верному замечанию одного исследователя, лишь "земное человеческое общество, связанное известными правовыми отношениями, выраженными в определенных точных формулах, включающих в себя ряд прав и обязанностей". Здесь лишь внешнее единение, лишь союз, орден, группа. Духовное же совершенствование, дело спасения, относится совсем к другому плану. Каждый спасается в одиночку, Сангха - лишь средство, помогающее освобождению и проповедующее путь к нему.

По этой причине формирование наиболее удобного статуса для Сангхи было объектом главной заботы Будды на склоне лет. Его долгая жизнь позволила ему обдумать и установить со скрупулезной тщательностью всевозможные детали монашеского быта. На эту организаторскую работу некоторое влияние оказывали посторонние соображения: необходимость найти поддержку у сильных мира, желание расположить к себе народ, избежать тех или иных обвинений. Давно уже было замечено, что большинство уставов ордена создавалось Буддой в применении к тем или иным частным случаям, по советам тех или иных людей.

В конце концов каждый шаг монаха был регламентирован и поставлен в жесткие рамки дисциплинарного кодекса. Один из главных вариантов этого кодекса - "Пратимокша" - по крайней мере в устной форме существовал уже при Будде, который повторял статьи устава на общих монашеских собраниях. На этих периодических собраниях монахи, слушая перечисление проступков и грехов, открыто каялись в случившихся с ними нарушениях закона. Не нужно, впрочем, заблуждаться относительно этого "покаяния" и отождествлять его с библейским покаянием. Бхикшу не может молиться словами псалмопевца: "Тебе единому согрешил!" Он констатирует свое падение лишь перед собой и товарищами, обещая

не повторять его в будущем. Поэтому "Пратимокшу" справедливо называют иногда "судебником". Дух формализма, почти юридически-уголовного, веет над этой древнейшей книгой буддизма.

Там, где появляется закон, появляется и нарушитель закона. До тех пор, пока Будда требовал лишь веры в свою святость, преданности ордену и соблюдения общих моральных заповедей Дхаммы, мирное течение его жизни ничем не нарушалось. Но с возникновением детально разработанного кодекса, сильно стеснившего свободу членов общины, послышались первые голоса протеста, а вслед за этим все чаще и чаще стало прорываться наружу скрытое недовольство учителем.

Когда Гаутаме было уже около пятидесяти лет, разразилось настоящее возмущение против него/26/. Поводом к нему послужило следующее обстоятельство. Один монах, всеми уважаемый за свою ученость, совершил проступок. Согласно уставу, ему надлежало публично исповедать свой грех. Но он не захотел этого делать. Человек гордый и самолюбивый, он отказался подчиниться решению общины, наложившей на него епитимью. Его попытались было убедить, но он собрал вокруг себя немалое число приверженцев, недовольных строгостями в ордене. Бурные споры захватили всех монахов. Было мгновенно забыто все: и самообладание, и кротость. Напрасно Гаутама уговаривал смутьяна, напрасно пытался примирить и унять враждующих. "Пойди-ка прочь достопочтенный учитель и господин, - в раздражении заметил ему один из бхикшу, - заботьтесь только о своем учении, а мы со своими ссорами и бранью обойдемся и без тебя". Оставалось лишь последнее средство: на другой день, заявив, что "лучше странствовать одному, чем с дураками", Совершенный покинул созданный им орден/27/. Он поселился в лесной пещере и впервые после десяти лет проповеди смог отдохнуть в одиночестве. Лишь иногда его навещали преданные ученики. Говорят, что пищей его снабжал старый слон, отделившийся от стада.

Тем временем мятежные бхикшу опомнились. Первое, на чем они чувствительно ощутили свою потерю, было отношение окружающих жителей. Повсюду пронесся слух, что великий аскет Гаутама покинул своих неблагодарных монахов. Когда бхикшу стали появляться на улицах с протянутыми чашами, им перестали подавать милостыню, всячески поносили и гнали с порогов. Монахам больше ничего не оставалось делать, как внять голосу тех, кто советовал просить прощения у учителя.

К Будде отправилась депутация, она принесла полное покаяние, и Совершенный, простив учеников, вернулся в общину. Однако на этом смуты в Сангхе не кончились. Наоборот, с годами они учащались, и неудивительно, что незадолго до смерти в сетованиях старого мудреца на глупость и строптивость учеников звучало почти отчаяние.

Предание не очень любит останавливаться на этих неприятных событиях. Впрочем, оно вообще весьма скупое на детали. Мятеж монахов - последнее, что нам известно об этом периоде. Дальше идут годы, покрытые туманом. Однообразие и монотонность жизни Будды как бы слили воедино почти два десятилетия. Но из тех немногих фактов, которые нам известны, мы можем теперь сделать вывод о причинах успеха раннего буддизма. Сплоченная, дисциплинированная организация была чем-то новым для Индии. Она обладала значительно большей силой воздействия, чем маленькие кружки или одинокие проповедники. Блестящие организаторские способности основателя Сангхи сыграли тут не последнюю роль. Его умение считаться с условиями, умение своевременно уступать, постоянная забота о престиже ордена - все это, победив сопротивление разрозненных религиозных сил Индии, обеспечило Будде власть над умами своего времени и почти тысячелетнее господство в стране.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава четырнадцатая

УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИКИ

1. Джатаки впоследствии были объединены в сборники. См. русский перевод Ф. Волковой; Арья Шура, Гирлянда Джатак, М., 1962. О популярности Будды-проповедника см.: Махапариниббана, V, 41; II, 16-26; Сутта-Нипата, III, I, 4; Асвагоша, с. 201.
2. Mahavagga, I, 54; Сутта-Нипата, II, 2-8; Асвагоша, с. 202.
3. Асвагоша, с. 207.
4. Пратимокша, VIII. СПб., 1869. Русский пер. И. Минаева. Ср.: Махапариниббана, V, 23.
5. Сутта-Нипата, IV, 9, 1; Джатака, 536; Lalitavistara, XV; Maghima-Nikaya, 7.
6. Маха-Суддасана, I, 20.
7. Махапариниббана, II, 9.
8. Mahavagga, VIII, 23, 1.
9. Udana, II. На воззрениях Гаутамы, вероятно, отразились "республиканские" тенденции, свойственные многим кшатриям.
10. Дхаммапада, 320, 129, 222; Сутта-Нипата, IV, 16, 7.
11. Г. Ольденберг. Будда, с. 393.
12. Сутта-Нипата, II, 7, 7; III, 9, 18.
13. Maghima-Nikaya, 84, 2; Сутта-Нипата, I, 7, 21; Дхаммапада, 385.
14. Сутта-Нипата, III, 2, 9.
15. Сутта-Нипата, II, 7, 13; Махапариниббана, I, 4; Дхаммапада, 108; Anguttara-Nikaya, X, 13.
16. Дхаммапада, 105. Гандхарва - ангел древнеарийской мифологии. Кто бы ни подразумевался здесь под словом "Бог", смысл изречения от этого не меняется.
17. Anguttara-Nikaya, III, 65, 3.
18. Сутта-Нипата, VIII, 8, 9.
19. Тевиджа, I, 10, 25.
20. Пратимокша, 10.
21. Сутта-Нипата, I, 4.
22. Дхаммапада, 91.
23. Maghima-Nikaya, 89.
24. Дхаммапада, 197-200.
25. См.: В. Кожевников. Буддизм в сравнении с христианством, т. II, с. 2 сл.
26. Mahavagga, X, 1,1 сл.
27. См.: Дхаммапада, 300. Слова, навеянные, вероятно, этим эпизодом.

Глава пятнадцатая ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ГАУТАМЫ

*Мгновенно, мгновенно все состав
ленное; жизнь в нем повита смертью;
все разрушается, созидаясь; блаженно
притекшее к месту покоя!*

Маха-Суддасана, II, 42

Восточная Индия около 490-483 гг. до н.э.

Сколько бы мудрой осторожности ни проявлял Гаутама, он не смог совершенно избежать трений с брахманами-жрецами, которые не желали мириться с новым учением. Ведь оно отрицало их привилегии, не придавало значения кастовым различиям, отрицало обряды и авторитет Вед. Но, к счастью для Гаутамы, брахманы не были организованы и не имели возможности действительно противостоять кшатрийскому реформатору. Единственное, что им оставалось, это попытаться настроить толпу против желтых ряс и их пропаганды/1/. Происки возымели действие, и хотя буддийская литература глухо говорит об этих подробностях, монахов, без сомнения, стали встречать во многих местах с недоверием и

даже враждебностью. Нередко при появлении бхикшу на улицах раздавались крики: "Вон они, эти лысые святоши, эти нахальные каналы! Созерцанье, созерцанье! Они, видите ли, им только и дышат, согнувши спины, потупивши взоры, они смакуют созерцанье!" Монахи старались кротко сносить нападки и не отвечать на оскорбления.

Все это было бы не худшей из бед, если бы внутри самого ордена сохранялись мир и тишина. Но это было не так. Гаутама старел, и ему все труднее становилось держать общину в руках.

Особенно много огорчений причинил учителю его двоюродный брат Девадатта, которого иногда называют "буддийским Иудой". "Когда глупец на свое несчастье овладевает знанием, - говорил учитель, - оно уничтожает его удачливый жребий, разбивая ему голову. Он может возжелать неподобающего ему положения среди бхикшу, и власти в монастырях, и почитания среди других родов"/2/. Так именно произошло с Девадаттой. Оказавшись в ордене, он продолжал мучительно завидовать брату. Каких только способов не измышлял он для того, чтобы умалить его роль в Сангхе! То, сгуля на преклонный возраст Гаутамы, он предлагал отстранить его от главенства, то прибегал к интригам при Магадхском дворе, то пытался воспользоваться разногласиями среди учеников.

Мы уже видели, как часто шел Гаутама навстречу пожеланиям и советам в устройстве ордена. Особенно много облегчений допускал он в уставе личного аскетизма для монахов. Это давно вызывало ропот у тех учеников, которые прошли суровую школу подвижничества. Девадатта воспользовался этим, чтобы создать в ордене оппозицию. Он надеялся, что народ поддержит его, так как смягченный устав Будды нередко вызывал насмешки со стороны мирян.

Действуя уговорами, лестью, хитростью, Девадатта сумел сплотить вокруг себя большую группу, которая, к немалому огорчению Гаутамы, покинула орден. В этой новой Сангхе были установлены более строгие правила и более частые исповеди. Впрочем, скоро любимые сподвижники Гаутамы Шарипутта и Могаллана сумели убедить заблудших вернуться. Тогда раскольник пошел уже на крайние меры. Как рассказывают легенды, он несколько раз покушался на учителя: скатил на него огромный камень, выпустил разъяренного слона, подсылал к Будде убийц. Разумеется, все эти попытки оказались тщетными. Камень чудесным образом раскололся, слон из свирепого стал кротким, убийцы с покаянными воплями склонились к ногам Будды/3/.

В легендах смерть Девадатты окружена всевозможными ужасами, однако в древнейших текстах о его гибели не говорится. А из того, что Будда перед смертью выражал опасения по поводу честолюбцев, можно заключить, что Девадатта или его сторонники пережили Гаутаму.
x x x

Но не только эти монашеские распри наложили грустный отпечаток на закатные дни Будды. Незадолго до смерти, как говорят, он стал свидетелем разгрома своей родины/4/.

Шакийские раджи, правившие в Капилавасту после Шуддходаны, никак не могли примириться со своим полузависимым положением. Их воинственный характер при сравнительной малочисленности племени уже однажды поставил шакиев на грань гибели. Хотя Будда и старался подавить в себе все привязанности, но, узнав, что войска кошальского раджи двинулась на Капилавасту, он поспешил навстречу. И на этот раз авторитет мудреца спас его строптивых родичей. Но когда прошел слух, что кошальцы снова выступили в поход, Гаутама сказал: "Ничто не поможет. Шакии не избегнут своей судьбы".

Капилавасту пал. Оставшиеся в живых обитатели его бежали в Непальские горы. Вокруг стен лежали груды трупов. Враги уводили пленных. Еще стонали люди, изрубленные на куски. И тогда среди этого царства смерти появился старый мудрец. Ничем не выказал он своей скорби и, казалось, спокойно смотрел на развалины города, где когда-то играл в детстве. Но старость остро и живо ощущает свои связи с давно минувшими днями. Быть может, вид истерзанной, превращенной в труп родины напомнил Гаутаме, что и его час недалек. Какие видения проходили тогда перед его мысленным взором? Вспомнил ли он

отца, Яшодхару, свой дворец и пруд, заросший лотосом? А может быть, он настолько отрешился от всего земного, что вид шевелящихся окровавленных тел и обгорелых руин оставался для него лишь докучным призраком?

Гораздо более тяжело переживал Гаутама смерть своих любимых учеников Шарипутты и Могалланы. Шарипутта, почувствовав приближение конца, решил умереть в доме родной матери. Трогательно простившись с учителем, он отправился в путь и, действительно, умер в той комнате, в которой появился на свет, и на руках у той, которая его родила. Монахи похоронили его с великим почетом, и сам Будда сказал прощальное слово у погребального костра.

Могаллана погиб при трагических обстоятельствах. Он любил предаваться созерцанию в уединенной горной пещере. Там его посещали паломники и слушали мудрые поучения подвижника. Был ли тут заговор завистников из партии Девадатты или просто грабители предположили, что в пещере находятся ценности, принесенные почитателями, - так или иначе однажды изуродованный до неузнаваемости труп любимого ученика Будды был найден в зарослях близ пещеры.

Эти две смерти явились для Гаутамы красноречивыми вестниками. Но еще настойчивее свидетельствовало о приближающемся конце изнуренное тело восьмидесятилетнего старца. Он уже не путешествовал так много, как раньше, а большую часть времени проводил в своих любимых рощах. Правда, почти до последних дней он наряду с простыми монахами ходил за подаванием. Но все труднее и труднее было ему придерживаться этого обычая.

"Тело мое, - говорил он Ананде, - как обветшалая телега, лишь при усиленной заботе о нем едва держится на ходу". К общей слабости стали прибавляться мучительные спазмы и боли. Мы не знаем, какая болезнь унесла из мира основателя буддизма, известно лишь, что много месяцев он жестоко страдал. Временами, собрав всю свою волевую энергию, Гаутаме удавалось умерить боль. Он все чаще и чаще погружался в созерцательный транс, облегчая этим телесные страдания. Бывали минуты, когда его посещало нечто вроде малодушия, и он советовал Ананде молиться о продлении его жизни. Но основным его настроением была покорность неумолимому року, который разрушает все, что создано /5/.

Незадолго до смерти Гаутамой, очевидно, овладело какое-то беспокойство. Он стал часто переходить с места на место, нигде подолгу не задерживаясь. Однажды он был принят под кровом кузнеца по имени Чунда. Хозяину нечем было угостить старца, кроме вяленой свинины. Эта трапеза оказалась последней для Гаутамы. После грубой пищи его стали терзать сильнейшие боли, мучила жажда, ноги отказывались идти. Он понял, что близится переход в Нирвану.

Сознавая торжественность минуты, Будда облачился в чистые одежды, попросил постелить на земле плащ и лег. У изголовья его сидели опечаленный кузнец и плачущий Ананда. Умиравший утешал их. "Не говорил ли я, Ананда, что в природе вещей, дорогих нам и близких, заключено то, что мы должны некогда с ними расстаться?" Он то впадал в забытие, то повторял: "Все сотворенное погибнет". Наивного Ананду возмущало, что Совершенный избрал для перехода в Нирвану заброшенную лесную деревушку. Но Будда не придавал этому значения. Его тревожила судьба ордена - его детища. Он спрашивал собравшихся вокруг учеников, нет ли у них недоуменных вопросов, но никто из них не захотел тревожить умирающего. В целом, несмотря ни на что, учитель мог быть доволен их преданностью, единением, верой в него как в Будду. Он призывал монахов следовать его уставам. "Истины учения и правила, возведенные и данные мною, вот кто после моего ухода да будет вашим учителем!" - говорил он.

Конец неотвратимо приближался. Таинственные тени витали над изголовьем старца. Он говорил, что это боги прилетели служить ему, и просил учеников не мешать им.

Внезапно он проговорил: "МОНАХИ, ВСЕ СУЩЕСТВУЮЩЕЕ - ПРЕХОДЯЩЕ; ПЕКИТЕСЬ О СВОЕМ СПАСЕНИИ!.."

Это были последние слова, слетевшие с его уст. Татхагата погрузился в состояние экстаза, все более и более теряя связь с мятежным миром. Наконец грань была перейдена.

Перед учениками осталось бездыханное тело. Ананда рыдал, монахи, поддерживая в себе бодрость, неустанно повторяли слова о бренности мира.

На последних часах жизни Гаутамы лежит печать непреодолимой трагичности. Он умирает не как Сократ, верящий в бессмертие, не как мученик, скрепляющий кровью свое учение и торжествующий над злом, а как человек, признавший мировое зло и подчинившийся ему. Все преходяще, все течет! Ищите в этом утешения! Вот итог...

Когда сердце Будды остановилось, соседнее племя пришло оплакивать его, и учитель был сожжен на большом погребальном костре, увитом гирляндами цветов. Народ проводил мудреца в последнюю дорогу с почестями, которые было принято оказывать царям. Обгорелые останки его были с благоговением разделены между городами.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава пятнадцатая

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ГАУТАМЫ

1. Указания на происки брахманов против Будды можно найти в Джатаках, 285; Maghima-Nikaya, 50; Anguttara-Nikaya, V, 95; Mahavagga, VI, 31.

2. Дхаммапада, 72-75.

3. Cullavagga, VII; Махапариниббача, II, 32; Асвагоша, с. 222.

4. См.: Д. Кожевников. Ук. соч., т.2, с. 681. Следует отметить, что ряд историков по хронологическим соображениям считает этот факт вымышленным (см.; Г. Ольденберг. Будда, с. 141).

5. В отличие от большинства других периодов жизни Будды, последние его годы ярко запечатлелись в памяти Сангхи. Кончина Гаутамы подробно (и, по-видимому, достоверно) описана в Махапариниббана-Сутте. Само это название означает "Сутта великого перехода в Нирвану" (или на палийском языке "Ниббану").

Глава шестнадцатая ОТ ГАУТАМЫ К БУДДИЗМУ

Индия между V и III вв. до н.э.

Велика была скорбь учеников и почитателей Совершенного, когда они осознали, кого лишились. Но еще не стихли их горестные вопли, как послышались голоса противников Будды, видимо только и ждавших этого момента. Довольно сокрушаться, заявили они, не сам ли Татхагата говорил нам о бренности всего в мире? Теперь он сам умер, и нет над нами опеки, нет того, кто бы указывал нам, как поступать/1/.

Вероятно, эти люди, испытавшие облегчение после смерти старого наставника, были друзьями Девадатты. Скорее всего именно они втянули монахов в жестокие распри, которые стали терзать орден вскоре после смерти Гаутамы. Споры эти неизменно вращались вокруг дисциплинарных проблем. Учение Гаутамы о "среднем пути" уже давно раздражало ревнителей строгой аскезы. Они роптали на мудрую уступчивость Гаутамы, а теперь, когда учителя не стало, осмелели и подняли голову. Для решения спорных вопросов был собран монашеский собор, обсудивший устав ордена/2/.

Первоначально оппозиция как будто бы получила перевес, но это продолжалось недолго. Близорукий фанатизм не смог победить широты и терпимости, завещанных Буддой своим верным ученикам. Для его ордена наступали новые времена. Энергичная миссионерская деятельность монахов приводила к буддизму много новообращенных. Народ все больше тянулся к этой новой религии, которая обещала спасение независимо от касты, не отягощала избытком обрядов, проповедовала доброту и кротость. Жрецы старых культов были не способны сопротивляться ордену, и люди шли искать прибежище в Будде, Дхамме и Сангхе.

В сущности, мало кто всерьез интересовался философскими воззрениями шакийского аскета. Преклонялись перед учителем, который покинул богатство и дворцы ради просвещения людей, верили в то, что соблюдение его заповедей принесет мир в этой жизни и блаженство в будущей. Знали, что он обещал освобождение от перерождений и спасение от власти Кармы. Пройдет около двух столетий, и буддизм в таком, несколько упрощенном, виде покорит сердце царя Ашоки (273-239 гг. до н.э) - одного из благороднейших правителей, каких знает история. Так же, как и простой народ, он будет больше всего ценить в учении Будды гуманность, терпимость и миролюбие. Он отменит кровавые жертвоприношения, будет заботиться о благоденствии своих подданных; по его приказу создадут больницы, Устроят чистые водоемы, насадят прохладные аллеи. Он заразит монахов своим апостольским рвением и пошлет в далекие западные страны миссионеров буддизма. В своей империи он повсюду поставит учителей религиозного закона, которые будут просвещать народ. Именно благодаря Ашоке буддизм начнет растекаться по всей Азии/3/.

Пусть непрестанно плодятся буддийские секты, пусть монахи спорят о Нирване и "я", о правилах и уставах! Пусть философы обсуждают теорию перевоплощения и дхарм! Царь же Ашока будет верить, что добрых ждет награда, а злых - кара. И народ примет эту веру, забыв о том, что Гаутама называл суетой искание посмертного блаженства и воздаяния.

Индийский историк Луния, говоря о вкладе Будды в культуру Индии, указывает на то, что он дал народу понятную религию и возвышенную этику; благодаря ему началось развитие литературы на народных языках, расцвело изобразительное искусство и упрочились гуманность и религиозная терпимость. Признавая справедливость всего этого, тем не менее можно усомниться в том, что сам Гаутама стремился создать популярную религию. Его этика в своих основах восходила к Упанишадям, и менее всего он был заинтересован в процветании зодчества или скульптуры.

Постоянно напоминая своим слушателям, что все течет в этом призрачном мире, Гаутама, возможно, и не подозревал, в каком направлении "потечет" его собственное учение. А с ним, действительно, совершились удивительные превращения.

Будда, как и Конфуций, не любил говорить о самых последних тайнах. Но если Конфуций оправдывал свое молчание неведением, то Будда, несомненно, знал гораздо больше, чем мог или хотел сказать. Он был атеистом, но атеистом необычным, все существо которого устремлялось к Божеству Молчания, к Нирване. Вечный покой, трансцендентная, бесстрастная сущность, бесконечно далекая от ничтожного и никчемного мира, - таково было Божество Гаутамы. Он не знал Бога, обращенного к миру. Но человек тоскует именно о таком Боге, Его он неустанно ищет, без Него томится. Может ли утолить его жажду сверхбытийное Нечто? Внутренний опыт человека подсказывает ему, что Незримый есть не Нечто, а Некто, что порой Он стучится во врата души, что у Безмолвия есть свой Голос. Вдалеке от Него мы никогда не найдем настоящего покоя. Так было, так будет всегда. Заключенная в нас тайна небесной любви будет мучить нас до тех пор, пока не вырвется наружу. И если из-за собственного ослепления человек все же не войдет в Дом Отца, потребность души в Живом Боге в любой форме, пусть даже в самой странной, даст о себе знать.

Человек, ищущий веры, любящий, страдающий, живой человек вступит в тайную борьбу с пессимистической философией Гаутамы и победит ее. Пусть, скажет он, молчат иссохшие монахи о том, существует ли Совершенный по смерти или нет, пусть уверяют, что Гаутама - лишь величайший в мире святой; нет, он - божественный, он - выше всех богов; Индра и Брама поклоняются ему; он не исчез, о нет; он пребывает в надзвездном мире и охраняет всю Вселенную. Гаутама, аскет, живший во времена Бимбисары, станет в глазах буддистов воплощением небесного существа Ади-Будды. Они будут верить, что Бог посылает на землю великих учителей, чтобы поддержать среди людей правый путь Дхаммы. Шакия-Муни - непревзойденный среди этих воплощений Небесного царства.

Так буддизм сомкнется с учением Бхагавад-Гиты в попытке обрести Бога Живого, к

Которому можно протянуть руки, Который слышит человека и говорит с ним/4/.

х х х

Над останками Гаутамы, рассеянными по всей стране, вырастают ступы-курганы, зримые свидетельства пребывания Татхагаты среди людей. Толпы паломников устремляются к этим новым святым местам. Они благоговейно склоняются перед ковчегом с костями Будды, молятся у старого развесистого "древа просветления", они счастливы посетить места, где родился Гаутама, где совершился его переход в Нирвану.

Здесь, а не в кружках Шакия-Муни, возникает мировая религия, именуемая буддизмом, которая завоеует миллионы последователей на Цейлоне и в Тибете, в Бирме и Таиланде, в Камбодже и Вьетнаме, Китае и Японии, Монголии и Корее. Переходя из страны в страну, эта религия воспринимает в себя много такого, что сам Гаутама, несомненно, осудил бы как чуждое его учению.

Будда не признавал молитвы, но зато буддисты не отвергнут ее. Они даже впадут в обратную крайность: стараясь произнести как можно больше молитв, они заведут "молитвенные мельницы", вращение которых будет заменять произнесение формул.

Будда восставал против слепого поклонения букве священных книг. Между тем буддийские священные тексты окружают большим ореолом, чем Веды; на них будут смотреть как на волшебный талисман и воздавать им божеские почести. Священный ведический язык - санскрит - вновь зазвучит в буддийской литературе, несмотря на то что сам Гаутама проповедовал на народном диалекте.

Обряды и обычаи тех народов, куда проникнет буддизм, опутают его и порой исказят почти до полной неузнаваемости. Первобытные мистерии Тибета породнятся с буддизмом, и монахи будут совершать священные танцы в устрашающих шаманских масках.

Поэтому-то известный исследователь буддизма Рис-Дэвидс имел некоторое право утверждать, что "ни один из тех пятисот миллионов людей, которые время от времени приносят в жертву цветы на буддийских алтарях, дух которых более или менее проникнут буддийскими учениями, не является исключительно и вполне буддистом".

Поклонение Личному Божественному Существу приведет религию Будды, Дхаммы и Сангхи к созданию храмов и изображений. Первые известные нам изображения арийской Индии - буддийские. Сам Совершенный сначала изображался лишь символически, но на рубеже I в., вероятно под влиянием греков и персов, создается традиционный образ Учителя, сидящего в позе созерцания /5/. В это же время Асвагоса написал первую поэтическую биографию Будды.

Гаутама стремился развенчать преходящую жизнь, представить ее как царство страданий, смерти и уродства. Но его последователи посвятят себя заботам о людях и их благе на земле. Они станут трудиться над созданием буддийской культуры.

Пещеры Аджанты, где поселятся монахи, покроет изумительная роспись, воспевающая красоту Божьего мира. Фрески эти привели бы в изумление основателя Сангхи. Ведь их творцы изображают прелесть цветов и животных, гармонию обнаженного тела, человеческие чувства, иными словами, все, что, по учению Гаутамы, есть лишь тлен и бессмыслица.

Нетрудно согласиться с тем, что наша жизнь есть "юдоль плача", что в ней все уносится волнами, что в ней торжествуют распад и смерть. И все же отвергнутый Гаутамой мир вновь и вновь заявлял о себе. Над художниками Аджанты проплывали причудливые облака, озаренные гаснущим солнцем, ветер в горах шевелил травы и листья деревьев, каждое насекомое, каждая птица вызывали восторг и изумление. А какой бесконечный мир крылся в темных задумчивых глазах человека! Пусть все это - прах, но не видеть в этом божественного веяния - значит быть духовно слепым. И отрeksiшиеся от мира монахи вновь обретут любовь к нему. Аджанта, расположенная в живописной местности, станет очагом творчества, храмом красоты/6/.

Так постепенно буддизм будет побеждать Гаутаму.

х х х

В заключение остановимся и еще раз бросим взгляд на пройденный путь. Мы побывали

в древнем храме индийской мудрости, и если даже многое в нем не могло нас привлечь, трудно не согласиться с тем, что этот храм достоин удивления и восхищения. Из всех попыток человека приблизиться к Вечному опыт Индии - один из самых серьезных и знаменательных. В этой загадочной стране духовные созерцатели приблизились к самому порогу священного Молчания. Но, пораженные неисповедимой безмерностью Божественного, они оказались не в силах увидеть в Его свете Лица, в Его молчании не услышали Слова...

Именно поэтому учения о Брахмане и Нирване не стали последней истиной, открывшейся дохристианскому миру, и именно поэтому они разделили общую судьбу: брахманизм вылился в индуистское язычество, а философию Гаутамы заслонил популярный буддизм.

Учителя Индии были правы, осознав мир как ничтожество. Конечное в сравнении с Абсолютным воистину тонет и теряется. Только тогда, когда человек знает о небесном взоре, обращенном к земле, земля расцветает нетленной красотой; только тогда мироздание обретает смысл, ценность и цель. Но от тайновидцев Востока этот прикованный к миру взор оказался сокрытым. Они нашли покой созерцания, но утратили и себя, и мир/7/.

Будда довел до последнего логического предела учение брахманов об Абсолюте, и этим пределом оказалось богоотрицание, а вслед за ним и полное отрицание мира. Все, что горит, должно, по его мысли, погаснуть, все, что сознат себя, - раствориться в бессознательном. Отвергнув Бога-Творца, Будда признал природу и человека бесцельным коловращением призраков, мельканием дхарм, нескончаемым, никому не нужным потоком. И он был прав: ибо если нет Бога Живого, Вселенная заслуживает уничтожения, жизнь и сознающие себя личности должны исчезнуть навсегда. Это для них лучший удел.

Такова главная причина, почему религия, столь возвышенная, как индийская, не могла стать преддверием к Евангелию.

И все же жизнь и проповедь Гаутамы были одним из величайших событий в истории духа.

Значение его отнюдь не исчерпывается нравственным или философским содержанием учения Просветленного. Величие Будды и его предшественников заключается в том, что они провозгласили спасение главной целью религии.

"Как неизмеримый океан имеет один вкус - вкус соли, - говорил Будда, так и мое учение имеет один вкус - вкус спасения". Человек живет ложной жизнью, он постоянно погибает, он томится и страждет, он опутан цепями и находится во власти каких-то роковых сил. Но он должен быть спасен.

Для древней ритуальной религии этой проблемы спасения не существовало. Магизм видел все законченным и устроенным наилучшим образом: человек призван был только выполнять свой Долг, он - лишь звено социальной и космической системы.

Гаутама одним из первых постиг необходимость искупления. Он одним из первых сумел возвыситься над иллюзиями и до конца измерил всю глубину бездны мировых страданий и зла. Проникшись состраданием, он стал искать избавления. И пусть то, что он нашел, не было подлинным спасением, он остается тем не менее великим примером для всех, искренне ищущих Истину, Полноту и в конечном счете - взыскующих Бога.

Внешне буддизм не был прямым предшественником Нового Завета. Но что из того? Имеем ли мы право ограничивать историю лишь видимыми феноменами? Кто знает, как далеко пронесся его призыв в сокровенных глубинах метаистории? Можем ли мы измерить силу и значение импульса, который шел от человека, сказавшего: "Неустанно пекитесь о своем спасении"? Вправе ли мы отрицать, что неведомыми путями он мог содействовать приближению человечества ко Христу?..

Никакие заблуждения Будды не могут лишить его того места, которое он занимает в семье великих Учителей дохристианского мира. Многие его заветы навсегда останутся выражением просветленной человеческой мудрости. Прислушаемся к ним. Никогда в этом мире ненависть не прекращается ненавистью.

Хорошо сказанное слово человека, который ему не следует, столь же бесплодно, как и прекрасный цветок с приятной окраской, но лишенный аромата.

Пусть мудрец усилием, серьезностью, самоограничением и воздеванием сотворит остров, который нельзя сокрушить потоком.

Как крепкая скала не может быть сдвинута ветром, так и мудрцы непоколебимы среди хулений и похвал.

Один день жизни человека, видевшего бессмертную стезю, лучше столетнего существования человека, не видевшего высшей жизни/8/. Трудно не восхищаться человеком, говорившим такие слова или вдохновившим тех, кто их произнес.

Мы знаем, что все изображения Будды апокрифичны. Но почему - то хочется верить, что он был именно таким, каким его веяли древние скульпторы: с лицом юным и кротким, с тихой улыбкой, погруженным в глубокую тайную думу. Мудрец, проникнутый состраданием ко всему миру, он поистине достоин любви и благодарности человечества, хотя и не был в силах спасти его. Впрочем, кто из людей смог бы совершить это?

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава шестнадцатая

ОТ ГАУТАМЫ К БУДДИЗМУ

1. Махапариниббана, VI, 40.

2. Этот собор (I общебуддийский) происходил в Раджагрихе. Древняя тибетская книга Даранты "История буддизма в Индии" относит его к 40 году после смерти Будды (см. перевод этой книги в 3-й части исследования В. Васильева "Буддизм, его догматы, история и литература", СПб., 1891). Хронология буддийских соборов, как, впрочем, и вся индийская хронология до воцарения Ашоки (273 г. до н. з.), является весьма спорной (см.: Г. Бонгард-Левин. К проблеме историчности III собора в Паталипутре. - "Индия в древности", М., 1964, с. 121. Там же указана и библиография по соборам).

3. "Я желаю, - говорит Ашока в одной из своих надписей, - чтобы люди получили счастье в этом мире". Надписи царя Ашоки - "Хрестоматия по истории древнего Востока", М., 1963, с. 419. Об Ашоке см.: Р. V. Varat. Asoka. "2500 Years of Buddhism", p. 56.

4. Источник монотеистических тенденций в буддизме, по справедливому замечанию Самуэля Биля, надо искать "там, где с первобытных времен существовало знание истины, дарованное Первоисточником Истины и которое, хотя и отуманенное с течением времени посторонними наслоениями, все-таки настолько сохранилось, что распространило, хотя и в слабой мере, свет и надежду среди наций, повергнутых во мрак" (С. Биль. Буддизм в Китае. - РВТ, с. 93).

5. См.: О. Прокофьев. Искусство Индии. М., 1964, с. 54; В. Сидорова. Скульптура древней Индии. М., 1971, с. 66.

6. См.: О. Прокофьев. Искусство Индии, с. 76 сл.

7. В этом радикальное отличие индийского пути от библейского. Если Библия видит во зле и страдании болезнь мира, то индийских мистиков "к разрыву с наличной действительностью побуждает само существование мира, сама форма мирового процесса" (Р. Эйкен. Основные проблемы современной философии религии. СПб., 1910, с. 46).

8. Дхаммапада, 5, 25, 51, 115.